

Евгения Голова

ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ЛИШНЕГО

На этой выставке нередко можно было увидеть недоверчивые взгляды. Люди подходили к работам ближе, наклонялись прямо к узким рамкам, рассматривали их содержимое под поблескивающим стеклом, заходя сбоку, чтобы не отвечивало. Говорили своим соседям что-то про текстуру бумаги и мягкие переходы цвета. И, хотя точно знали, с помощью чего сделаны висящие перед ними изображения — об этом прямым текстом было рассказано в описании экспозиции, — продолжали сомневаться. Или, может быть, не сомневаться — но стараться разгадать загадку точно. Неужели всё это, все эти изящные пейзажи, яркие экспрессивный портреты, жесткий монохром гравюр — это всё фотографии? И они были правы — это уже нечто другое. Нечто на стыке, в изменчивой и непредсказуемой стадии перехода. «Фотографика. Фотоживопись» — так называется выставка фотографа Владимира Голуба, о которой мы сейчас говорим. И, хотя и сам автор не скрывает, что названия не до конца отображают суть этих работ и официально не закреплены, подобрать слова точнее вряд ли было бы возможно. Это именно фотоживопись — создание картины без красок и кисти, использование форм и цветов, запечатленных на фотоснимке, чтобы с их помощью создать художественное произведение. Это именно фотографика — заострение, доведение до крайности восприятия объекта съемки как совокупности линий, избавление его от лишних деталей и акцент на главном. Предельная обобщенность — вот к чему стремился автор, создавая эти работы.

Владимир Александрович объяснил, что его уже очень давно, едва ли не с первого дня увлечения фотографией, интересовал вопрос, насколько важна для фотографии реалистичность, точность в передаче деталей. С одной стороны, это её характерная особенность, отличительная черта, избавиться от которой можно только изменив саму природу фотографии. И в репортажной съемке, где

исключительно важен сам момент, личность, событие, это свойство является неоспоримым достоинством, незаменимым и уникальным. Но с другой стороны — фотография бывает и художественной, где деталь может быть как определяющей, задающей тон произведения, так и вредной — перетягивающей внимание на себя, сбивающей верно расставленные акценты. И если художник в своем творчестве волен обращаться с такими «лишними» объектами как угодно — он может трансформировать их или совсем выбросить из картины, то фотографу, особенно на первых этапах развития техники, приходилось с ними считаться. Такая вопиющая несправедливость заставляла всё новых и новых мастеров придумывать изобретательнейшие приемы обработки и монтажа, лишь бы удачный снимок можно

Без названия

было избавиться от его «ложки дегтя». «Изобретений» со временем становилось всё больше и больше, совершенствовалась оптика, развивались компьютерные технологии, затем появились специальные программы, с которыми небольшие недостатки фотографий перестали быть неразрешимой проблемой... С использованием тех же методик можно было привнести в уже готовую фотографию новое звучание, добавить особенный эффект, задающий другое настроение, которое, возможно, лучше отображает характер запечатленного объекта. Нашего автора больше интересовали как раз эти аспекты, касающиеся художественной съемки. Ему всегда хотелось сделать фотографии более гармоничными, не сетовать на то, что в свободе действий кисть художника превосходит даже самую совершенную камеру, а преодолеть этот разрыв. Ему хотелось избавиться свои снимки от лишнего и оставить только самое главное — концентрированную эмоцию автора, которую он испытывал, когда нажимал на спуск фотоаппарата, и которую теперь необходимо как можно более точно донести до зрителя. Чтобы тот почувствовал умиротворенную прохладу раннего туманного утра, испытал восторг при виде сочных красок весеннего леса, чтобы глаза девушки на портрете показались ему живыми — чтобы он принял фотографию в себя и прожил её.

К решению своей задачи Владимир Голуб подбирался не один год. Первым его инструментом в этом деле стала софт-оптика, специальные мягкорисующие объективы, чаще всего самодельные, так как в мире их почти не выпускали — они давали «лирическое» изображение, размытое, со световыми и цветовыми ореолами, что привносило в фотографии особую выразительность и художественность и полностью отвечало запросам автора на тот момент. С их помощью на снимках сразу же, без дополнительной обработки, создавалась особая атмосфера — хрупкая, невесомая, далеко уводящая результат от репортажных кадров. Кроме того, такая оптика, в силу своих особенностей, не прорисовывала картинку в мельчайших подробностях — таким образом, сама собой решалась проблема лишнего на снимке. Как рассказал Владимир Александрович, для него софт-объективы стали своеобразным мостиком от фотографии реалистичной, документальной к художественной, избавленной от второстепенного. Вместе с тем он осваивал и применял разные приемы ретуши — сперва применительно к аналоговым способам получения изображения, затем

и к цифровым. Как и любой творец, который постоянно ищет новые пути и экспериментирует, когда уже существующих методов не хватало для достижения целей, он придумывал свои и успешно их использовал. Последним шагом в данной цепочке стало использование возможностей компьютерной обработки. Способы менялись, но стремление оставалось прежним — создавать фотографии, несущие зрителю чистое, избавленное от шлака впечатление, сильную эмоцию, не разменивающуюся на второстепенные детали. И в итоге, много лет спустя, когда собралось достаточно качественного соответствующего теме материала, появилась эта выставка в Воронежском областном художественном музее им. И. Н. Крамского — как окончание некоего этапа, как проявление естественного желания разделить свою личную творческую победу с другими людьми.

Работы, представленные в музее условно можно разделить на две больших категории — графика и живопись. В. Голуб предложил смотреть на вещи ещё проще, обращая внимание только на линии и пятна. Если основным изобразительным элементом является линия, значит это фотографика, чаще всего — контрастные черно-белые работы, очень напоминающие рисунок; если принципиально важны не очертания, а цветовые пятна, колорит работы, как в акварелях или в картинах модернистов, то это фотоживопись. И то, во что именно превратится снимок после обработки, зависит не только от понимания, в каком виде он будет лучше смотреться, но и — а может, и в первую очередь — от того, что автор хочет сказать своим произведением. Графическим работам свойствен минимализм, концентрированный смысл при очень ограниченном спектре выразительных средств. Преобразование снимка в черно-белый рисунок, как правило, позволяет четко показать зрителю, почему и для чего он был сделан. Наш фотограф привел в пример одну из своих работ — графичный портрет орла, выполненный, как отметил сам автор, в духе набросков натуралистов 19 века. Здесь убраны подробности, цвета полутона, оставлены только линии и форма — ничего лишнего. Мы видим настороженный поворот головы, острый внимательный взгляд — это хищник, и это очевидно всем, кто видит эту работу. Исходным вариантом её была очень качественная цветная фотография, которая была хороша всем, кроме самого главного: она показывала зрителю слишком много деталей. Внимание

привлекало красивое оперение, изгиб клюва, сочный цвет травы — что угодно, только не сущность этой птицы, её сила и опасность. А автору хотелось продемонстрировать зрителям именно их, и перевод фотографии в графику стал идеальным решением задачи.

С фотоживописью дело обстоит иначе. Самое главное здесь — передать настроение, общую эмоциональную окраску запечатленного на снимке. Это может быть особый лиризм и нежность — тогда в ход идут пастельные цвета, мягкость и сглаженность линий. Или энергичность и жизнерадостность — и мазки становятся более решительными, колорит приобретает насыщенность. Не важны подробности, географическая точность, не нужно всматриваться в лица и приметы — вся суть в том, какие чувства рождаются при взгляде на произведение, и ощущает ли человек, что испытывал автор, создавая своё творение. Владимир Александрович упомянул о том, что при создании фотоживописи допускает любые преступления против документальной объективности фотографии — искажение цветов, уничтожение деталей, лишь бы эмоция, закреплённая в ней, стала очевидной и раскрылась зрителю.

Разумеется, в ходе обработки фотографии теряют свои характерные черты, становятся всё больше похожими на картины, написанные в разных техниках. И, конечно, сразу находят противники такого рода явлений и ревностные ценители традиционной живописи, настаивающие на том, что все работы, созданные на основе фотографий при помощи компьютерных программ или других инструментов — это имитация, вторичный продукт, и никакой художественной ценности не несут. Но здесь уместным будет спросить — оправдан ли этот протест, если это был, в первую очередь, творческий эксперимент, который, судя по реакции зрителей на его результаты, удался? Если художники, которым автор показывал свои произведения, не высказывали абсолютно никакого возмущения по поводу их появления, а, напротив, одобряли их? Да и причина их создания была вовсе не в намерении сблизить изобразительное искусство и фотографию. «Главной целью создания моих работ является не стремление к сходству, это не внешнее подражание графике или живописи, — говорит Владимир Голуб. — Мне бы хотелось, чтобы это воспринималось, как попытка использования изобразительных приемов графики и живописи для усиления выразительности изображения, изначально

Портрет

полученного с помощью фотографической техники». И, что тоже важно, тут ни в какой степени нет желания перетянуть на себя почести, полагающиеся художникам. Владимир Александрович признается, что и сам является большим любителем живописи и поклонником творчества ряда мастеров, а некоторые из его выставочных работ появились под впечатлением от картин — в частности, одна из них вдохновлена произведениями его друга, известного воронежского художника Алексея Загородных. В ней нашли отражение отдельные черты стиля этого творца, того, как он пишет маслом — объемными грубыми мазками. И это опять же был своего рода творческий опыт — а как такая подача будет смотреться в фотографии? Поскольку эта работа была отобрана для выставки, опыт, видимо, оказался удачным.

Автор также заметил, что ему непонятно, почему некоторые люди яростно обрушиваются на Photoshop и прочие специализированные программы с обвинениями, будто бы те только портят фотографии — по его мнению, это просто инструменты для достижения поставленной цели, и критиковать их всё равно, что отпускать едкие высказывания в адрес молотка или пастельных мелков. А это, как вы понимаете, выглядело бы странно.

Создать даже одну работу в избранном автором стиле совсем не так просто, как может показаться скептикам. Как и в любом виде искусства, тут совершенно невозможно подобрать универсальный алгоритм создания фотографии и фотоживописи; рождение каждой работы — это индивидуальное сочетание ряда приемов для воспроизведения самого подходящего данному случаю эффекта. Технология никогда не повторяется детально — конечно, с опытом можно выделить отдельные закономерности, продуктивные сочетания, но, в конечном счете, всё определяется чутьем автора и его ожиданиями по отношению к своему творению. Некоторые картины требуют применения не менее чем десятка различных техник, и в итоге от исходника почти ничего не остается — другие же не требуют вмешательства вовсе, не выпадая при этом из общего ряда. Да, бывают и такие — Владимир Александрович рассказал, что на выставке есть работы, где компьютерная обработка минимальна, но при этом такова цветовая гамма и мягкость линий, что их на первый взгляд не отличишь от акварели. Они были сняты на пленку через объективы типа «монокль», это одни из простейших представителей оптики, несовершенные, но придающие кадрам определенный шарм, — и погодные условия в сочетании с техникой создали такую нежную романтическую атмосферу, что от автора больше практически ничего не потребовалось, только слегка доработать снимки до полноценного произведения.

За каждой картинкой стоит своя история — начиная даже с отбора фотографий под обработку. Какие-то из них были сняты уже с определенной задумкой, под конкретные цели, в соответствии с которыми выстраивалась композиция и подбирались аппаратура. Другие сами вдохновили создателя на идею, случайно попавшись ему на глаза где-нибудь в архиве — и получили новую жизнь. Вторых, по правде говоря, больше — и даже

если творческий замысел родился у автора намного раньше, чем была нажата кнопка затвора, между фотоживописцем и конечным результатом его труда всегда стоит посредник, его снимок, субъективный слепок реальности. Впрочем, это совершенно не проблема, а даже своего рода преимущество. Уже один, сам по себе, запечатлев некий интересный момент или эмоцию, снимок может послужить причиной и, как мы уже выяснили, даже основой для создания другого художественного произведения. Разумеется, он формируется по определенным техническим законам и свои представления в любом случае приходится соотносить с жестко поставленными рамками готового изображения, на котором запечатлен конкретный объект со всеми своими деталями и колористической гаммой, но при этом он может быть преобразован любым известным способом — или, если угодно, остаться как есть. И каждое творение в итоге рождается по-своему. Каждая фотография требует индивидуального подхода, особого внимания, бережного авторского отношения; каждая работа должна быть всесторонне прочувствована, чтобы нащупать и через обработку вытянуть из неё самую главную, самую ценную идею. Не это ли настоящее искусство?

Хотя описанные выше технологии уже не новы и много лет успешно применяются, для Воронежа фотографика и фотоживопись в новинку — полномасштабной выставки, посвященной этим направлениям фотографии, у нас ещё ни разу не организовывалось. Отсюда и недоверие в глазах, и гневные заявления в книге отзывов от тех, кто «категорично не признает компьютерную обработку». Отсюда же и искреннее удивление и восхищение зрителей после просмотра работ. Но сам автор и не думает претендовать на звание новатора: для него эта выставка — просто логичное завершение поисков в одном из занимавших его мысли направлений. И нужно признать — очень эффектное завершение.

